

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ В ЛАТВИИ

Марина Костенецкая —
Сергей Мазур

Как я стала писателем

Сергей Мазур: Наша тема сегодня: как вы стали писателем, как произошло избрание?

Марина Костенецкая: Думаю, что писателем нельзя стать, хоть я и училась в Литературном институте имени Горького в Москве. Наверное, основывая этот институт, Горький руководствовался самыми благими намерениями — мол, в стране будет своя кузница советских писателей. На самом же деле писателем нужно родиться. Многие выпускники Литературного института становились потом в жизни, в лучшем случае, переводчиками, критиками, литературоведами, эрудированными людьми, но писателем (а не литератором, как написано в наших дипломах) надо родиться. Выучиться на писателя невозможно.

Недавно вышла моя книга «Письма из дома». Это лагерная переписка моих родителей: мамыны письма из Риги в Воркуту отцу, и письма отца из Воркуты нам с мамой в Ригу. Отца арестовали за месяц до моего рождения, то есть я росла без него. Впервые мы встретились, когда мне было уже 10 лет. Сейчас, читая мамыны письма в Воркуту, узнаю, что в свои три-четыре года я донимала ее расспросами, почему моего папы никогда не было дома и приедет ли он вообще когда-нибудь. Мама обещает, что приедет. И я говорю маме, что тогда я заберусь к папе на колени и расскажу ему свою сказочку. Дальше мама описывает, что я сама сочиняю сказки и рассказываю их ей. И как я маму пугаю, когда говорю про волка: «Дюк!...» (Вдруг!...) и при этом делаю страшные глаза. То есть рассказывается все с выражением, я вживаюсь в создаваемый образ, но сюжет сказки уже не пересказ из книжки, это мой собственный текст. Наверное, оттуда, из раннего детства, и идут истоки творчества. После смерти Сталина ГУЛАГ открылся, и люди смогли вернуться к семьям. У отца был срок 20 лет, он отсидел из них 10, а в 1955 году вернулся с бумагой, где было написано «Считаетесь не имеющим судимости и поражения в правах». Помню, стихи я начала писать еще до возвращения отца, а вот первый в своей жизни рассказ написала, когда мне было 15 лет. Очень хорошо помню, что рассказ назывался «Мама». Еще помню, что боялась этот рассказ показать маме, почему-то думала, что она не поймет, станет смеяться надо мной. Мама — пианистка, очень утонченная артистическая натура, ее суда я опасалась. А вот отца я в этом смысле не стеснялась, ему тайком от мамы рассказ показала. Папа прочел, не помню, что он мне сказал, но явно не похвалил, это-то уж точно, иначе бы запомнила. Жили мы тогда в одноком-

натной квартире. Все трое спали в четырнадцатиметровой комнате — и я, подросток, и мама с папой. И вот ночью я вдруг просыпаюсь от того, что мои родители беседуют. Говорят они шепотом, но мне на моем раздвижном кресле-кровати все слышно. Отец с удивлением и с каким-то скрытым восторгом в голосе шепчет маме: «Катя, это ведь чеховская сила! Откуда у нее это?!» Это была первая в жизни рецензия на мой рассказ. Повторяю, мне в глаза отец ничего не сказал, он не ругал и, конечно же, не посмеялся, но про то, что «это ведь чеховская сила», он говорил ночью маме шепотом, и я случайно подслушала.

Будучи юристом, отец очень бережно относился к каждому написанному на бумаге тексту — все, как говорится, раскладывал по полочкам. Невероятно, но факт: в условиях ГУЛАГа он сумел сохранить абсолютно все мамыны письма за 10 лет! Более того, на каждом полученном из дома письме он ставил порядковый номер и дату, когда письмо получил. Так вот, думаю, что это был перст отца — заставить меня собрать в одну папку все свои первые стихи и рассказы. Сама я до такого додуматься не могла! Насколько помню себя, в подростковом возрасте я была слишком ленива, чтобы сидеть и скрупулезно, каллиграфическим почерком переписывать на отдельных листах то, что один раз было уже написано в какой-то случайной тетради. И вот сейчас, совсем недавно, я, перебирая мамин архив (искала конкретный документ), вдруг наткнулась на потертую папочку. Открываю ее — на титульном листе полудетским почерком написано: «Мои стихи и рассказы, написанные в возрасте с 9 до 15 лет». Конечно, это папин проект! Ну, не могла я сама додуматься до того, чтобы перед каждым своим стихотворением или рассказом написать, в каком возрасте «шедевр» создан! Нужно быть зрелым, взрослым человеком, чтобы четко ставить даты или, по крайней мере, во сколько лет что написано. Вот написано: мне 10 лет, называется стихотворение «Школа», вот 14 лет — «Спасибо доктору», видимо, это когда была в больнице. А вот стихи «Портрет Ленина» к 90-летию Ленина. Не больше и не меньше! Да, и такое было, грешна — писала искренне, от души! Ведь в школе за это хвалили, а в 14 лет человек еще белый лист, взрослые идеологи могут заполнить этот лист чем угодно... А вот и рассказ, о котором я говорила — «Мама», 15 лет. Отец умер, когда мне было 16 лет. Вот папочка «С 9-ти до 15-ти». Второй подобной папочки нет, то есть продолжения с 16 лет уже нет. Значит, умер папа —

умер и архивариус, который старался приучить меня складывать все написанное в одно место. Другое дело, что обнаружила я эту папку, будучи уже на пенсии, только благодаря маме. Это она ее сохранила на 50 лет вперед. Но как бы то ни было, сегодня тонкая картонная папочка для меня лишнее доказательство того, что писателем нужно родиться. Конечно, надо еще немного и везения, и, что очень важно — надо встретить в жизни доброжелательных людей, которые помогли бы таланту состояться и развиться.

В возрасте 17 лет я принесла первые свои рассказы в Союз писателей, там был штатный консультант по русской литературе писатель Василий Золотов. Переписала все в общую тетрадь от руки, потому что пишущую машинку могли иметь только настоящие писатели. Начнем с того, что пишущую машинку даже состоятельные люди так просто купить не могли — в комиссионках продавались раритеты, а в открытой продаже хороших машинок не было. Продавались они писателям по предварительной записи в писательской книжной лавке. Разрешение на такую покупку мог иметь только член Союза писателей. Ведь при режиме тотального государственного контроля одно дело — пишущая машинка в учреждении, и совсем другое — в частном доме. Итак, переписала я свои рассказы от руки и оставила тетрадь на суд всемогущего Золотова в Союзе писателей. Телефона у меня тогда не было, все мы, в большинстве своем, жили еще без телефонов. Зато был телефон в Союзе писателей, у Золотова. И вот я неделю, две, три хожу и боюсь позвонить. Боюсь услышать что-нибудь вроде: «Никуда не годится, все очень плохо». Словом, смертного приговора своим рассказам боюсь.. Наконец собираюсь духом, звоню, дрожащим голосом сообщая, что я — Марина Костенецкая, и в ответ меня в трубке перебивает голос Золотова: «Куда вы пропали?! Мы вас ищем!» Далее я узнаю, что скоро в Союзе писателей будет проходить ежегодный весенний семинар молодых авторов, и что мои рассказы выдвигаются на этот семинар для обсуждения. А пока что мне надлежит срочно явиться в Союз на предмет разговора о публикации (еще до семинара!) одного рассказа в газете. Золотов собирается напечатать в настоящей газете мой рассказ?! Представляете, в мои 17 лет! Сейчас столь ранним дебютом никого не удивишь, а полвека назад все ведь было совсем иначе... И вот прихожу я в Союз писателей, а там мой рассказ штатная машинистка уже перепечатала, и я впервые в жизни вижу мой текст в печатном виде. Короче говоря, опубликовали этот рассказ, по рекомендации Союза писателей, в газете «Советская молодежь». Назывался он, помню, «Хозяйство».

Потом был семинар молодых авторов, меня на семинаре очень хвалили. Так захвалили, что и самой поверилось — я уже писатель! Стали меня продвигать дальше. Как уж это в то время было принято с перспективными молодыми авторами — послали на зональный се-

минар молодых авторов северо-запада СССР. Проходил этот семинар в Ленинграде. Те, кого там признавали лучшими, дальше попадали в касту особо избранных уже на Всесоюзное совещание молодых в Москве. Приезжаю в Ленинград, а там молодые авторы, начиная от Вологды, Архангельска, кончая Эстонией, Литвой, Латвией. И все прошли свой отбор в республиках, и все один другого гениальнее. Так вот там меня вдруг с моего высокого Олимпа сбросили! Запросто, легким щелчком по носу. Сказали приблизительно так: «Пока не поздно, подбери себе, девочка, другую профессию. Писателем тебе не бывать, не своим делом занялась! И вообще проза — это мужская работа. Куда ты лезешь?». Это было ужасно! Помню, я в гостинице вечером в голос рыдала! Но что мне там еще запомнилось, так это выступление ленинградской писательницы Веры Кетлинской на закрытии семинара. Она была одним из наших руководителей, и, подводя итоги «разбора полетов», сказала всем побитым бедам приблизительно так: «Если в мире существуют большие собаки, которые громко лают своими грубыми голосами, то это отнюдь не означает, что маленькие собачки не должны огрызаться и тявкать своими собственными тоненькими голосками». Словом, дерзайте — продолжайте тявкать, огрызаться! А вторым «спасательным кругом» стала услышанная на семинаре цитата из классика. Якобы Горький говаривал в свое время, что критиков надо слушать, но не слушаться. Такие вот две примочки на мои раны. Ну, и уж совсем напоследок всем нам строго и популярно объяснили, что писатель не может стать писателем, сидя дома за письменным столом. Из пальца, мол, ничего не высосешь, для того, чтобы стать писателем, надо изучать жизнь. И я во все это свято поверила...

Возвращаясь в Ригу, прихожу к своему Василию Золотову и говорю, что хочу изучать жизнь, и что для этого мне необходимо отправиться в путешествие по Советскому Союзу. Чем дальше, тем лучше. Консультант по русской литературе Союза писателей Латвии отговаривать меня не стал. Наоборот, похвалил и выдал справку, которую машинистка напечатала на красивом бланке Союза. В справке было написано: «Молодой автор Марина Костенецкая находится в творческой поездке по стране. Союз советских писателей Латвии просит все организации оказывать ей всяческое содействие». Внизу — подпись Золотова и солидная гербовая печать.

Сейчас можно посмеяться этому достойному Остапа Бендера документу, мне и самой теперь вспоминать все это смешно, но тогда справка в моих руках оказалась воистину волшебной палочкой — она открывала передо мной двери всех райкомов комсомола и партии! Ну, а уж дальше соответственно звонок из райкома открывал двери гостиниц, окошечко билетной кассы на поезд или на пароход, улаживал проблемы с оформлением пропуска в закрытые погранзоны... Так я добралась сначала в плацкартный вагон от Риги

до Владивостока, а оттуда в каюте третьего класса на пароходе уже и до Чукотки. И тут возникла проблема, которую не могла разрешить даже магическая справка Золотова — у меня кончились последние деньги, летняя навигация по Берингову морю заканчивалась, а билет на самолет от Чукотки до Риги стоил баснословную сумму. Эти деньги надо было как-то заработать.

В Анадыре (это столица Чукотки), живя на последние копейки в дешевой гостинице, я узнала, что в каждом оленеводческом колхозе на Чукотке существует Красная Яранга — аналог того, чем на заре советской власти на материковой части Союза была изба-читальня. Так вот в штате Красной Яранги есть должность кочевого учителя, который обучает грамоте взрослых пастухов-оленьеводов на кочевье в тундре. Не долго думая, я решила, что это как раз то, что мне надо — и жизнь познаю (соберу уникальный материал на книгу), и денег на обратную дорогу заработаю. Там же, в Анадыре, узнала, что больше всего учителей Красной Яранги сейчас не хватает в Беринговском районе, и через пару дней уже в местном самолете «Аннушка» (производная от какого-то номера АН) я благополучно приземлилась в райцентре с романтическим названием Берингово.

Прихожу я в районо, предъявляю начальнику свою безотказную справку. «Чего вы хотите?» — «Хочу работать в красной яранге» Он на меня смотрит, как на инопланетянку: «Вы знаете, что такое красная яранга?» — «Да, мне в гостинице рассказывали». — «А вам рассказали, что там вам пришлось бы месяцами кочевать по тундре с людьми совсем другой цивилизации? Что там не то что теплого туалета — в радиусе ста километров магазина нет, где бы вы хлеба смогли купить! Вы готовы есть сырую оленину, сырую рыбу, как пастухи?» Я, конечно, в душе уже не так уверена в своих способностях и возможностях, но фасон держу: да, говорю, готова! «К месту работы добираться будете не на трамвае, не на троллейбусе — вам по штату собачья упряжка полагается». Прекрасно! Долго мы препирались, в конце концов, он махнул рукой: ладно, мол, пишите заявление, но чтобы через месяц не было в районо телеграммы «Хочу домой к маме»! Написала заявление, подписала трудовой договор, стали оформлять документы на инвентарь. Дошли до собачьей упряжки... Я, конечно, знаю, что в тундре ездят на собаках, книги Джека Лондона читала, но в жизни собак видела только в розницу, по одной на поводке или на цепи, а тут вдруг узнаю, что у меня их будет аж двенадцать да еще и с нартой в придачу! Наверное, в лице я все-таки изменилась, потому что заведующий сжался и объяснил, что за собак фактически отвечает колхозный каюр, а мне, как учителю, надлежит только своевременно присылать в район накладные за съеденные собаками китовое и моржовое мясо — эти счета отдел образования колхозу оплачивает. Личное оружие — карабин, ракетница и охотничий нож — тоже лучше передоверить проводни-

ку, хотя по штату все это полагается иметь самому учителю.

Марина Костенецкая, учитель Красной Яранги на Чукотке летом 1965 года;

Короче говоря, обо всем этом можно прочесть в книге «Луна Холодного Лица». Это моя первая книга, вышла она в Риге в 1973 году. Там описано все: и как я стала учителем Красной Яранги, и как материал на книгу собирала. Когда я первый раз отправлялась к оленеводам в тундру, мне было ясно одно: при знакомстве в яранге я должна обратиться к пастухам, своим будущим ученикам, на их родном языке. И вот я написала по-русски речь и попросила председателя сельсовета, чукчу, перевести. Он хохотал до упаду, но перевел и написал русскими буквами чукотскую речь. Я ее вызубрила механически, как попугай, и очень боялась, что чукчи ни слова не поймут — произношение-то мне некому было откорректировать! Но они все поняли и устроили нечто вроде бурной овации. Мне в яранге на отдельной дощечке подали вареный олений язык, и только потом я узнала, что этот олень был забит в честь дорогого гостя — то есть меня. По обычаю, особенно важному гостю подают на отдельной дощечке олений язык. Ну, а речь была такая: «Еттык! (в буквальном переводе — я пришла; это слово для чукчей звучит как приветствие, вместо традиционного в других языках *здравствуйте*). Меня зовут Марина, я приехала из Риги (это слово

моих будущих учеников оставило равнодушными — Рига, Венера или Марс для чукотских аскалов особого значения не имели, географией за пределами родной тундры они не очень интересовались). Я буду работать у вас учителем Красной Яранги. Мы всегда будем друзьями. Давайте вместе пить чай». Вот про чай они все сразу поняли! Тут-то и грянули те самые овации...

Когда я кочевала вместе со стадами оленей и пастухами с пастбища на пастбище, старики у меня спрашивали: почему ты с нами кочуешь,

"Полярная ночь позади. На работу в стойбище в первых лучах весеннего солнца можно ехать уже и без шапки..."

учитель? Они никогда не видели таньга, (таньг — это белый человек), который бы с ними так вот кочевал — много недель подряд. Зоотехник приедет, сделает свое дело и уезжает в поселок писать отчеты. Приезжает председатель колхоза, белый человек, поруководит, поругает, поспрашивает, чего со склада надо прислать из продуктов и боеприпасов, и тоже уезжает. А белый учитель Марина-кэй (маленькая Марина) не только учит пастухов, но и сама учится выделывать шкуры, бросать аркан, запрягать оленей... Я им говорю: хочу написать книгу про вас, хочу стать писателем. И для этого мне надо побольше о вас узнать, например, сказки ваши, легенды бы очень интересно было записать. И тут вот старики мне вдруг категорично отвечают: «Карэм!». То есть — нет! Ты белый человек. Ты хороший человек, и мы сошьем тебя брюки из самых мягких пыжиковых шкурок, отдадим тебе лучший кусок мяса, и запряжем лучших оленей в твою упряжку, но подарить наши сказки таньгу мы не можем. Это принадлежит только народу чаучу. Ну, нет так нет, настаивать я, конечно, не буду. Напишу то, что самой довелось увидеть и пережить в тундре.

Это, как говорится, конец первой серии.

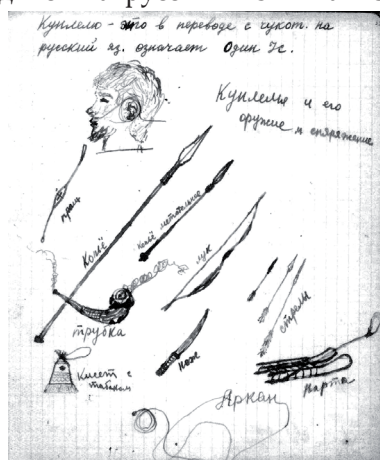
Вторая серия. Время от времени мне все же приходилось возвращаться в поселок. Ну, хотя бы для того, чтобы пополнить запасы чистого белья (в тундре ведь стирать негде — что снимаешь с себя, тут же бросаешь в костер) и не забыть окончательно вкус хлеба. Магазин, где можно купить белье, хлеб и другие «русские продукты», находится в поселке. А поселок километрах в

300 от нашего кочевья. Зима, уже на собаках ездим. К назначенному сроку приезжает за мной каюр, привозит в поселок. Тут я снимаю комнату в одном доме с доктором Лилей. Стоматолог по образованию, совсем еще девочка, только что окончила институт в Москве, а на Чукотке сразу стала и терапевтом, и хирургом, и гинекологом — одним словом, доктор Лиля. Пока я кочую по тундре, Лиля щедро отапливает наше жилище. Угля на нашу квартиру колхоз выделяет двойную норму: здесь ведь прописаны сразу два молодых специалиста! Так что кто-то из поселковых вынужден экономить, чтобы растянуть запасы угля до летнего прихода корабля, на улице мороз под пятьдесят градусов, а у нас благодать! И вот сижу я как-то на очередной своей побывке дома, Лиля у плиты хлопочет — старается откормить меня впрок «русской едой» перед командировкой в тундру — вдруг стук в дверь. За стеной полярная ночь, пурга. А на севере есть такой незыблемый закон: если в пургу стучат в дверь, открывать следует, не спрашивая, кто и зачем стучит — до следующей двери человек может уже просто не дойти. Мы с Лилей идем к двери, откапываем лопатой снег, открываем. Вваливается чукча. Кто — непонятно, весь в снегу, малахай до бровей в инее. Гость говорит: «Подержи дверь, учитель, я сейчас вернусь». Ну, раз «учитель», значит, мой ученик. По голосу узнаю — это Кувлюк. И вот он исчезает в пурге и через пару минут возвращается... с мерзлой тушей оленя на плече! Туша по всем правилам уже разделана, как говорится, готова к употреблению. Кувлюк сваливает эту гору мяса на пол нашей кухни и невозмутимо объясняет: «В нашей бригаде пастухи узнали, что ты сейчас в поселке, учитель. В магазине нет мяса. Там только консервы. Пастухи шлют тебе немного мяса». Ничего себе немного! И это он вез триста километров на перекладных упряжках оленей! Ведь собачьи упряжки — более выносливые на дальние расстояния — базируются все в поселке. Связано это с тем, что китового мяса вдали от морского берега в тундре нет, там собак трудно прокормить. На оленях же чукчи, как правило, ездят только на относительно небольшие расстояния, например, от бригады до бригады...

Мы с Лилей стоим, лишившись дара речи, а Кувлюк не дает нам опомниться: достает из ворота кушанки клеенчатую общую тетрадь, осторожно кладет ее на краешек кухонного стола, говорит мне: «Ты учитель, ошибки исправишь сама» и... исчезает из нашей кухни так же внезапно, как появился! Обратно в пургу, в полярную ночь, в свою оленеводческую бригаду у черта на куличках!

Открываю тетрадь, и на первой странице читаю заголовок: «Сказки моего народа». При виде этих написанных шариковой ручкой слов потрясение испытываю больше, чем от лежащей на полу оленьей туши. Сказки... народа чаучу... То есть то, что мне, таньгу, старейшины стойбища отдать не захотели, потому что для них это самая дорогая святыня! А молодой пастух понял, что я хочу стать писателем, и вот... Вы спрашиваете, с

чего начинается писатель? Наверное, с чего-то подобного. С возникновения обратной связи между героем будущей книги и ее автором. Со взаимного доверия и уважения. Если вы будете читать мою «Луну Холодного Лица», так там есть легенда о чукотском богатыре Кунлелю. От первой до последней строчки эта легенда переписана из клеенчатой тетради. Более того: Кувлюк изобразил на отдельной странице и портрет самого Кунлелю, и все его оружие и снаряжение — начиная от пращи и копья и кончая оленьей гоночной нартой. У чукчей практически не растет борода (такая особенность расы), растительность на мужском лице минимальная, а имя Кунлелю переводится на русский язык как Один Ус.

Согласно легенде, один ус у этого богатыря был таким длинным, что он заматывал его за ухо. И вот в тетради Кувлюк нарисовал голову Кунлелю в профиль с усом, замотанным за ухо. Повторяю, в моей книге вы можете прочесть эту легенду народа чаучу. Но и это еще не все! На последних страницах тетради составлен чукотско-русский и русско-чукотский словарь разговорник. Листы разграфлены на две колонки, в которые вписаны слова и короткие фразы из быта оленеводов в стойбище. Так тонко чукчи оценили мое стремление хотя бы минимально овладеть их языком... И когда я слушаю анекдоты про чукчей, какие, мол, чукчи глупые, а мы, белые люди, умные, какие чукчи неграмотные, а мы, представители высшей расы, грамотные — меня это идиотское высокомерие доводит до белого каления! Дай Бог, чтобы авторы некоторых комментариев в Интернете, которые кичатся тем, что они русские и окончили современную русскую школу, писали так грамотно, как писал в клеенчатой тетради чукотский пастух, окончивший всего лишь восемь классов советской основной школы. И еще. У каждого народа есть свои достоинства, присущие только ему, другим народам недоступные. Хотела бы я видеть высокомерного таньга-грамотея каюром собачьей упряжки! Как бы он вверх тормашками полетел с нарты в снег (и неизбежно после этого насмерть замерз), если двенадцать собак упряжки рванули бы вдруг в погоне за выскочившим на их пути зайцем... Погибнуть в тундре я могла не один раз, но всякий раз чукчи, опытные по вы-

живанию в экстремальных условиях Севера, спасали мне жизнь.

Сергей Мазур: Но вот через полтора года работы в тундре вы вернулись в Ригу и написали книгу о Чукотке. Как она выходила в свет?

Марина Костенецкая: Очень непросто. Ну, во-первых, спать в снегу на пятидесятиградусном морозе меня в детстве не приучали — как-никак выросла я в Европе на средних широтах — так что со здоровьем после возвращения с Чукотки возникли некоторые проблемы. И так получилось, что после курса лечения в больнице врачи отправили меня еще на несколько месяцев в республиканский туберкулезный санаторий «Дикли» в Валмиерском районе. Санаторий располагался в господском доме старинной усадьбы, первые письменные упоминания о которой относятся к началу XV века, когда эта собственность принадлежала Готтшалку де Пале из рода Пален.* В течение веков усадьба не раз перестраивалась, хозяева сменяли один другого, после Второй мировой войны там был открыт туберкулезный санаторий, а в наши дни господский дом полностью отреставрирован по старинным чертежам, и сейчас Замок Дикли считается один из самых феешенебельных отелей республики, где проходят и пышные приемы политиков, и свадьбы детей олигархов. Мне же, повторяю, довелось там пожить в статусе пациентки санатория, и было это в конце шестидесятых годов прошлого века. Правда, когда мне в диспансере давали путевку, я еще упиралась — мол, не могу терять дорогое время, мне надо писать книгу. Тогда из диспансера позвонили главврачу санатория и предупредили: «К вам едет пациентка, которая хочет писать книгу. Создайте, по возможности, условия». Надо сказать, с этим санаторием мне крупно повезло: тамошний главврач Андрис Лаукманис оказался не только блестящим специалистом своего профиля, но немножко еще и поэтом! Он тайно писал стихи. Для себя. Но этого хватило, чтобы доктор Лаукманис очень серьезно отнесся к моим заявлениям насчет книги — условия для работы в санатории мне были созданы более, нежели комфортные. Начать с того, что поместили меня в отдельную палату. Комнатка, правда, крохотная — кровать, небольшой стол и стул, больше в ней ничего и не помещалось (это был санаторный изолятор, предназначавшийся для самых тяжелых больных). Дальше — больше. День начинался с того, что в семь утра тихо приоткрывалась дверь, и в палату заглядывал главврач. Он приходил в санаторий очень рано, и, обнаружив, что глаза у меня уже открыты, зажигал свет и шел к столу. Никаких вопросов о самочувствии, температуре или чем-то подобном! Первый и единственный вопрос каждое утро: «Сколько страниц вчера написала?». И если я пыталась, оправдывая собственную лень, приврать, меня строго обрывали: «Эти страницы я уже вчера читал. Сколько новых? Где они?». Уже потом, когда я выписалась, медсестры рас-

сказали мне, что персоналу было приказано: если пациентка Костенецкая утром спит, на завтрак по звонку ее не будить! Порцию оставить в духовке и принести в палату, когда Марина проснется. То же касалось процедур — если всем уколы делают в девять утра, Костенецкую не следует беспокоить минимум до одиннадцати. Ведь ночью она, возможно, работала. Ну, как, скажите, в этих условиях можно было не писать? Меня просто заставляли писать! Так в палате № 20 и была написана от первой до последней страницы вся моя «Луна Холодного Лица». Написана от руки, шариковой ручкой. От руки же несколько раз переписана и начисто. Когда, наконец, я поставила точку — все, больше ничего менять не буду, как есть так есть — встала новая проблема: как все это перепечатать на машинке? В санатории меня кормят, поят, лечат, но свободных денег нет — на минимальные расходы мама со своей пенсии присылает, а больничный оплачивать некому, поскольку после возвращения с Чукотки я на работу еще не устраивалась. В рукописном же варианте книгу в издательство и предлагать нечего! Не примут... И тут о сложившейся ситуации каким-то образом узнают мои старшие товарищи по перу, рижские писатели Лидия Жданова и Виктор Андреев.** Они муж и жена, и оба уже члены Союза писателей. Не долго думая, они приезжают ко мне в санаторий в Видземе и просят показать готовую рукопись. Показываю. Они ее увозят в Ригу и отдают своей машинистке. Оплачивают перепечатку книги (деньги и для них немалые, а для меня и вовсе фантастические!) и уже в надлежащем виде несут рукопись в Союз писателей. Там получают рекомендацию для издательства (с первой книгой молодого автора такая процедура была в СССР обязательной), несут все в издательство «Лиесма», и... и из издательства меня приглашают в Ригу для работы с редактором! Редактирует книгу опытный специалист и прекрасный человек Нина Бать. Спасибо и — царствие ей небесное! Далее, соответственно процедуре издательского конвейера, рукопись уходит в типографию в набор. До компьютерного набора дожить человечеству еще только предстоит, мою первую книгу набирают по старинке, в металле. Оттиски первой корректуры, второй... Опять-таки, согласно установленному конвейеру, вторая корректура идет на утверждение в Главлит — проще говоря, в цензуру. И тут вдруг — гром с ясного неба! Гранки возвращаются в редакцию с написанной красным карандашом убийственной резолюцией цензора: «Книгу к изданию не рекомендовать!»... Как?! Почему?! За что?! Оказывается, книга антисоветская. Нет, не то чтобы автор призывал к свержению существующего строя, но!.. Но бдительный цензор усмотрел в книге злостное очернение советской действительности. Ибо как же это советские люди ездят на собаках, едят сырое мясо, из антенны радиоприемника «Спидола» делают себе ожерелье к Празднику Молодого Оленя? Сказать, что для меня заключение цензора стало ударом ниже пояса — значит, ничего не сказать. Жизнь была кончена! И вот

тут в крутом повороте моей судьбы опять сыграл свою роль доктор Лаукманис. Он сочувственно, но в то же время очень твердо сказал: «Не получился писатель — станешь врачом. Ты любишь людей, из тебя получится хороший врач. Поступай в медицинский».

Легко советовать — поступай! Школа окончена несколько лет назад, что и знала когда-то, благополучно успела забыть! А ведь физика и химия, которые в медицинский надо сдавать, никогда, мягко говоря, не были моими любимыми предметами. Лаукманис не отступался: садись за учебники, у тебя все получится. И почему-то я не осмелилась его послушаться. Перепыхала заново школьный курс нелюбимых предметов и, спустя несколько месяцев, отнесла в приемную комиссию Медицинского института документы. Как я сумела на вступительном экзамене по физике решить задачу — это для меня остается загадкой по сей день. В школьные годы на такие подвиги я не была способна — задачи, как правило, списывала. Но как бы то ни было, по физике на вступительном экзамене я получила четверку, по остальным предметам тоже сдала на проходной балл и — благополучно стала полноправной студенткой педиатрического факультета Рижского медицинского института.

Поместье Дикли в Видземе

С книгой же тем временем события продолжали развиваться своим чередом. Все те же Лидия Жданова и Виктор Андреев отнесли гранки уже набранной в типографии рукописи тогдашнему патриарху русских писателей Латвии, лауреату Сталинской премии Николаю Павловичу Задорнову. Поскольку главной темой творчества Николая Задорнова был именно Дальний Восток («Амур-батюшка», «Капитан Невельской», другие книги), мои друзья посчитали, что он вполне может вступить и за «чукотскую» книгу Марины Костенецкой. Николай Павлович прочел гранки и согласился помочь. Он поставил в книге свое имя как редактор, взяв, таким образом на себя ответственность за возможные негативные последствия, и написал предисловие, где в адрес автора не поспешил на самые «правильные», по понятиям советских идеологов, слова: «Марина Костенецкая привезла нам

из тундры патристический рассказ об одном из самых трудных участков оленеводческого края. Благородными и сильными предстают в нем трудящиеся-чукчи. Очень стойкими и мужественными они показаны и в каждодневном труде, и во время опасностей. Спасая людей и оленей, простые труженики, описанные в этой книге, совершают подвиги с таким же знанием природы и умением преодолевать стихию, которыми, как казалось прежде, обладали лишь герои Фенимора Купера. Но это наши советские люди, наши братья, такими выглядят чукчи Марины Костенецкой. Она написала книгу без прикрас, с любовью к людям и к природе, обнаруживая тонкую наблюдательность и выразив чувство глубокого уважения к чукотскому народу, среди которого эта русская девушка-труженица честно работала на далеких тундровых просторах».

Вместо обычных двух корректур у моей книги их было целых четыре, но, в конце концов, в 1973 году многострадальная «Луна» вышла в свет.

В свет! Из бездны отчаяния (ведь только от отчаяния, на нервной почве, сумела сдать физику!) я тут же вознеслась на седьмое небо и, прочно там прописавшись, поняла, что медицина — не мой путь. Со стороны это выглядело несерьезно. Еще два с лишним года жизни коту под хвост! Помню, как мама, будучи не в силах смириться с моим решением бросить медицинский институт, жаловалась соседке: «У всех людей дети как дети, а у меня писатель...» Забегая вперед, скажу: мама все-таки дожила до того дня, когда в 1986-м году я стала лауреатом престижной Всесоюзной литературной премии имени Николая Островского, и тогда слова «Моя дочь писатель!» она произносила уже совсем с другой интонацией.

Ну, а пока на дворе еще только 1973-й, и я твердо решаю, что стану все-таки писателем, а не врачом. Качественно объединить эти две профессии в наши дни уже невозможно.

Раздираемая противоречиями — с одной стороны мама, мечтающая видеть меня врачом, а с другой первые реальные плоды писательского ремесла — отправилась я за поддержкой все к тем же Ждановой и Андрееву. Они часто покупали для работы путевки в Дом творчества писателей «Дубулты» в Юрмале, имели там свой отдельный номер.

И вот сижу я в этом их номере с видом на Рижский залив, рыдаю, взываю к сочувствию и моральной поддержке... Лида и Виктор сначала сочувствуют и поддерживают, а потом отправляются на обед и обещают принести мне из писательской столовой порцию второго. Через какое-то время в дверь раздается стук и входит незнакомый мужчина с яблоком в руках. Протягивает его мне: «Это вам». Я ничего не понимаю и начинаю объяснять, что хозяева номера внизу обедают, что они скоро вернуться, что я здесь только... «Я знаю, — перебивает меня гость. — Вы Марина Костенецкая. А я Анатолий Приставкин. Лида и Виктор в столовой мне все о вас рассказали. У вас

есть с собой своя книга?». Есть, конечно. Без пары экземпляром книги я и из дома не выхожу! Коротче говоря, я с радостью подписываю свою книгу известному московскому писателю Анатолию Приставкину, окрыленная возвращаюсь в Ригу, окончательно порываю с медицинским институтом и уезжаю в Курземе, в рыбацкий поселок Кестерциемс, где на оставшиеся от гонорара за книгу деньги снимаю сразу на год вперед баньку. Авансом оплачиваю и дрова для отопления, так что место для работы над новой книгой обеспечено, а о том, на что здесь буду жить сама, пока не задумываюсь. Моя банька это одна из хозяйственных построек на зажиточном хуторе. Сами хозяева живут в просторном кирпичном доме, у них даже есть телефон (для рыбацкого поселка большая роскошь по тем временам!), банька же — разделенный надвое белый домик под драконьей крышей. В одной половине, как тому в бане и полагается быть, каменка с полками и предбанник; в другой маленькая комнатка и кухня с дровяной плитой. Когда-то это помещение служило батрацким жильем. Поскольку батраков в советское время упразднили как класс, домик на лето стали сдавать городским дачникам. Я же поселилась там после дачного сезона, поэтому арендная плата оказалась вполне доступной. Вскоре сам собой решился и вопрос с основными продуктами питания. Выяснилось, что за рыбу и молоко с местными жителями можно расплачиваться элементарными медицинскими услугами — мерить давление крови, делать уколы (до ближайшего медпункта поселковым приходилось добираться на автобусе), но для поддержания прожиточного минимума надо было все же иметь и наличные деньги — хотя бы на хлеб, крупу и подсолнечное масло. И тут опять не обошлось без помощи Ждановой и Андреева. Летом они снимали комнату в соседнем поселке и приютили там бездомного кота. Брать его осенью с собой в рижскую квартиру писателям было сложно — дома у них уже была любимая, тоже подобранная на помойке кошка. И вот Лида и Виктор привезли своего дачного кота в мою баню, попросили приютить и сказали, что будут платить за него алименты. Слово сдержали — почтовые переводы в мою баню приходили регулярно, раз в месяц. Всем нам троим, конечно, было ясно, что никакие это не кошачьи алименты, а пособие по безработице начинающему писателю, но... неписанная заповедь — спонсорство не должно унижать человеческое достоинство — матрицей отпечаталась в моем сознании на всю жизнь. Так что урок этот я теперь всегда помню, когда пытаюсь помочь оказавшимся в трудном положении людям.

Кота, кстати, звали Мурцисом, и под этим же именем он стал одним из героев рассказа «Белые дюны», написанным мной в ту зиму в Кестерциемсе. И вот сижу я уже весной в своей бане, пишу рассказы. Вдруг в один прекрасный день бежит через двор хозяйка и кричит: «Марина, к телефону! Скорее! Звонят из Москвы!». Хозяйский номер телефона для самых экстренных ситуаций в Риге знают только мама, Лида и Виктор.

Кто мне может звонить из Москвы?! Пулей вылетаю из бани, бегу в дом, хватаю трубку... На том конце голос Анатолия Приставкина: «Срочно приезжайте в Москву! Вас приглашают на Всероссийский семинар молодых публицистов. Из Латвии — в виде исключения. Это не Всесоюзный, а Всероссийский семинар, но вы пишете на русском языке, и руководители семинара прочли вашу книгу...» Дальше я уже совсем отказываюсь верить своим ушам: семинар проходит в Подмосковье, в легендарном Доме творчества писателей Переделкино, путевку на месяц и проезд из Риги и обратно мне оплачивает Союз писателей России, семинар вот уже три дня как идет, поэтому выезжать следует немедленно. Когда мне, наконец, удается вклиниться в бурный монолог Приставкина, я пытаюсь его вразумить, что как же это я без путевки, без медицинской справки поеду — да меня ведь и на порог того Дома творчества не пустят! В ответ московский писатель кричит: «Я сейчас вышлю телеграмму!» — и на этом междугородний разговор прерывается. Что же вы думаете? На следующий день в баню приносят телеграмму, в которой мне предписывается явиться туда-то в связи с тем-то... Ладно. Денег на поезд у кого-то одолжила (кажется, у своих же хозяев), приезжаю в Москву, нахожу тот вокзал и тот перрон, от которого электричка идет в Переделкино. В чемодане вместо курортных нарядов экземпляры «Луны» и рукописи новых рассказов, в сумочке телеграмма от Приставкина. Схожу с электрички в поселке, где находится дача Пастернака, Чуковского, других великих, дохожу до Дома творчества. Протягиваю в вестибюле телеграмму администратору и начинаю объяснять, что это, мол, все, что у меня есть, что ни путевки, ни справок... И в ответ слышу: «Да, да я все знаю! Мы вас ждем!». Далее, как теперь принято говорить, Золушка со своей каретой из тыквы отдыхает! В течение трех последующих недель я просыпаюсь по утрам с мыслью, что ТАК НЕ БЫВАЕТ, что я еще сплю, и что вот-вот проснусь по-настоящему в своей бане, где за водой надо ходить к колодцу. Но, протерев глаза, убеждаюсь, что проснулась-таки не в бане, а в отдельной комнате Дома творчества писателей с настоящим письменным столом у окна, с теплым туалетом, с душем, со столовой на первом этаже, где меня уже ждет царский завтрак на белой скатерти.

Когда я в этой столовой в день приезда впервые шла за официанткой через зал к своему месту, за спиной у меня раздавались приглушенные реплики обедавших писателей: «Это та самая... из Латвии... это она». Оказывается, по Дому творчества уже несколько дней циркулировала легенда об уникальном даровании, которое Анатолий Приставкин откопал в какой-то бане на глухом латвийском хуторе — мол, новый Джек Лондон в юбке, кочевала в чукотской тундре, написала книгу...

Поскольку одним из руководителей семинара был сам Анатолий Приставкин, обсуждение рукописи моей новой книги на этот раз

прошло на ура. На семинары такого уровня, как правило, приезжали редактора из столичных толстых литературных журналов и центральных издательств, просматривали работы участников и отбирали что-нибудь для публикаций. У меня взяли сразу четыре рассказа: три были опубликованы в журнале «Октябрь» (среди них и «Белые дюны» с котом Мурцисом), а один — «Завтра на рассвете» — в самом престижном молодежном журнале того времени «Юность». Но кульминацией всему стал издательский договор на книгу, который со мной заключило всесоюзное издательство «Молодая гвардия», предложив фантастический тираж — сто тысяч экземпляров!

Однако, и самая волшебная сказка когда-то кончается, так что в конце-концов я все же оказалась опять в своей бане в Кестерциемсе. Но тут вдруг выясняется, что в сказке поставлена не точка, а только запятая! Опять звонок из Москвы. Опять в телефонной трубке голос Анатолия Приставкина. Российскому Союзу писателей удалось убедить руководство журнала «Новый мир» отправить в творческую командировку участников прошедшего семинара на всесоюзную комсомольскую стройку завода КАМАЗ. Мол, молодые о молодых сумеют написать свежо и интересно, и портфель редакции пополнится публицистикой нового поколения советских писателей. Словом, «Новый мир» оплачивает мне и дорожные, и гостиничные, и командировочные расходы! Семинар в Переделкино был теорией, а теперь для практики встречаемся все в такой-то день в гостинице города Набережные Челны на той самой ударной комсомольской стройке. И я лечу в Татарстан, и на аэродроме Набережных Челнов меня встречает сияющий Анатолий Приставкин в выгоревшей джинсовой куртке и с полевыми цветами в руках — сказка продолжается...

Мой очерк о КАМАЗе назывался «Мы придумали город». Это строчка из гимна, который написали о своей стройке сами молодые строители. Увы, в жизни выяснилось, что на стройке все обстоит далеко не так помпезно и благополучно, как об этом писалось в центральных газетах. Разочарование и одновременно пополам с болью, все же и гордость молодежи за свою стройку вылились у ребят в слова гимна «Мы придумали город, в котором взрослые дети». В журнале очерк, конечно, не напечатали. И не только потому, что мой уровень еще не дотягивал до планки, установленной в «Новом мире» для профессионального публициста. Но, простите, как же это вдруг «Мы придумали город»? Ведь советские люди рождены, «чтоб сказку сделать былью»! Комсомольцы город могли только ПОСТРОИТЬ, а не придумать. Ладно, в московской книге, которая вышла в «Молодой гвардии» в 1976 году, очерк все же напечатали.

Ну, а пока жизнь продолжается, в Набережных Челнах я блаженствую в кругу старых и новых друзей, хотя подспудно не оставляю и тоскливое ожидание момента, когда роскошная карета Золушки опять превратится в тыкву — не

может же быть, чтобы все складывалось так сказочно хорошо до бесконечности! Судьбе, однако, было угодно продлить белую полосу моей жизни еще на какое-то время. Черные полосы потом тоже, конечно, были, да еще какие! Но это уже потом, через несколько лет. А тогда раскрученный в 1974 году в Переделкино маховик славы все нес и нес меня на головокружительной карусели по кругу. Пик звездного часа наступил после публикации в журнале «Юность», когда со всех концов Советского Союза стали приходить письма, а в газете «Комсомольская правда» обо мне появилась большая статья известной журналистки Лидии Графовой. Хорошо это или плохо, но факт остается фактом: если уж «открывали» в Советском Союзе талантливого молодого писателя, то судьбой его начинали заниматься всерьез! Другое дело, что этого же писателя потом безжалостно распинали, если он вдруг не оправдывал возлагавшиеся на него надежды государственной идеологии, но тогда, вероятно, я еще эти надежды оправдывала. И вот 1-го сентября 1975 года, по мановению все той же волшебной палочки Союза советских писателей России, с хуторской бани я вдруг переселяюсь в отдельную комнату с паркетным полом общежития Литературного института имени Горького в Москве, куда зачислена полноправным слушателем на очные двухгодичные Высшие литературные курсы.

Ребята, так не бывает! Там у слушателя одна только стипендия 150 рублей! По тем временам это зарплата высококвалифицированного врача (для сравнения — бухгалтер, например, получает 70 рублей). Творческие мастерские ведут знаменитые писатели, лекции читают профессора лучших московских вузов, во многие столичные театры нам дают контрамарки и, повторяю, каждому слушателю ВЛК предоставляется комната с гостиничным комплектом хорошей мебели практически бесплатно — со стипендии вычитывают разве что за постельное белье. Но... на 1-е сентября 1975-го года в моей биографии присутствует одно большое «но» — я еще не член Союза писателей СССР. К учебе же на ВЛК, в отличие от учебы в самом Литературном институте, допускаются только действительные члены Союза. Набор слушателей в этот рай проходит раз в два года, а прием в Союз писателей у нас в Латвии — два раза в год: осенью и весной. Все мои документы на вступление в Союз в Риге к концу лета 1975 года были уже поданы, но заседание Правления СП Латвии по приему новых членов планировалось проводить только в октябре, занятия же в Москве начинались 1-го сентября. В ректорате института мне строго-настрого было приказано держать язык за зубами, так что о моем первоначально «заячем писательском билете» никто на курсе так никогда и не узнал. Тем более, что стопроцентной уверенности в том, что русского писателя в Латвии примут в Союз с первой же попытки, не было ни у моих московских благодетелей, ни у меня самой. На всякий случай, для подстраховки, одну из трех необходимых для приема рекомендаций москвичи сумели сделать

мне на самом высоком уровне — принять в Союз писателей меня рекомендовал и живой классик советской литературы, автор гимна Советского Союза Сергей Михалков. В общем, наступает этот исторический в моей жизни день. Я приезжаю из Москвы и, переступив в Риге порог кабинета Андрея Упита на улице Кришьяна Барона 12 (по этому адресу находился тогда Союз писателей Латвии), предстаю воочию перед членами Правления. Их много, и все они в моих глазах великие, так что вдруг чувствую, как язык во рту присыхает к гортани. Меня просят рассказать, как я сейчас живу, о чем мечтаю, зачем хочу вступить в Союз писателей. Но я же не могу сказать прямым текстом, что им ни в коем случае нельзя откладывать мой прием, что мне просто необходимо вступить в Союз именно сегодня, чтобы не вылететь из рая, куда я затесалась как нелегал! И вот, вероятно, от страха на одном дыхании я произношу пламенную речь о том, как хорошо мне живется в этом подлунном мире, а кончаю — как сейчас помню! — словами: «И так хорошо я еще никогда в жизни не жила!». Уж не знаю, как не рухнули стены кабинета Упита от взрыва гомерического хохота, который раздался в ответ на эту фразу... Потом меня попросили выйти, потому что голосовать полагается без самого кандидата, и я вышла, окончательно убитая этим непонятным хохотом — все, провалилась! А через минуту дверь распахивается, из кабинета выбегает Ояр Вацietis и все еще сквозь смех сообщает: «Вы приняты единогласно!». Позже тот же Ояр мне объяснил, что вопрос о том, для чего человек хочет вступить в Союз, задают каждому кандидату. Как правило, в ответ начинает звучать длинный перечень претензий к жизни без обладания заветным членским билетом — нельзя пользоваться услугами поликлиники Литфонда, нельзя претендовать на дополнительные квадратные метры жилплощади (членам Союза эти метры причитаются), нельзя получить для работы путевку в Дом творчества... Ну, а тут вдруг входит Костенецкая и, вместо того, чтобы начинать канючить, сообщает, что так хорошо как сейчас она еще никогда в жизни не жила! Конечно, от неожиданности все со стульев с хохотом попадало...

Сергей Мазур: Итак, в 1975 году вы вступили в Союз писателей СССР, то есть стали уже писателем официально. Как долго еще в вашей творческой судьбе все шло по восходящей?

Марина Костенецкая: Честно сказать, какое-то время фортуна меня еще баловала. В 1976 году в московском издательстве «Молодая гвардия» вышла уже упомянутая книга «Завтра на рассвете», и ей тут же была присуждена премия «Лучшая книга года молодого писателя». После мучительной эпопеи с «Луной» в рижском издательстве столь счастливая судьба новой книги казалась, конечно же, чудом, поверить в которое было опять-таки трудно. Но... не все коту масленица, придет и великий пост! Сле-

дующая книга в Москве у меня вышла только через 8 лет. Этому предшествовали большие осложнения в отношениях с издательством.

Сначала все шло хорошо: все то же издательство «Молодая гвардия» заключило со мной договор на новую книгу, в редакции отобранные для сборника рассказы одобрили, и рукопись ушла в набор в типографию. В очередной раз гром с ясного неба грянул после второй корректуры. В каком-то рассказе что-то не понравилось цензуре, и для незначительного исправления текста гранки из Главлита вернули в издательство. Но вернули уже не просто в редакцию современной советской прозы, откуда книгу сдавали в набор, а... на стол самому директору издательства. Директор же не поленился прочесть не только отмеченный цензором рассказ, а всю книгу целиком и — пришел в ужас: откуда у молодого советского писателя такой пессимистический взгляд на жизнь?! Почему в книге описываются одинокие старики — разве в СССР может быть такое, чтобы старые люди оказались вдруг никому не нужными? Почему столько смертей? Молодому писателю больше пристало писать о комсомольских свадьбах, чем о похоронах. И, наконец — нет, это уж ни в какие ворота не лезет! — герой одного из рассказов Костенецкой, интеллигентный вроде бы человек, актер, посещает церковь! Позор!

Да, виновата... В рассказе «Два притопа, три прихлопа» мой герой в минуту душевного смятения действительно заходит в церковь. Сегодня, когда на глазах миллионов телезрителей Путин и Медведев стоят в храме Христа Спасителя с зажженными свечами в руках, такая претензия к автору может показаться не то что смешной — неправдоподобной! Но тогда, в 80-е годы прошлого века, отношение к религии в СССР, мягко говоря, было не столь терпимым. И вот из Москвы в Ригу летит телеграмма — меня вызывают в издательство для серьезного разговора.

В кабинете директора меня не ругали, скорее, уговаривали: в этом рассказе изменить концовку на более оптимистичную, в этом убрать эпизод с церковью, в этом снять информацию о том, что колхозник у себя дома подкармливает корову хлебом. Я выслушала все предложения по спасению книги и спокойно заявила, что менять ничего не буду, пусть рассыпают набор. Как ни странно, но такой вариант не устраивал уже издательство. В стране с плановой экономикой рассыпать набор запущенной в производство книги тоже было не так просто. Стали мне объяснять, что, отказываясь от книги с массовым тиражом, я теряю гонорар, на который могу купить легковую машину. В ответ я вежливо объяснила, что пользуюсь общественным транспортом и о «жигулях» не мечтаю. Им любой ценой надо было меня уломать, заставить писать «как надо», мне же, тоже любой ценой, необходимо было свои рассказы защитить и издать такими, какими я их написала первоначально. Так мы в тот раз ни о чем и не договорились, и я вернулась домой с мыслью, что буду пытаться издать эту книгу в Риге, благо часть из забракowanych Москвой расска-

зов здесь уже были напечатаны в журнале «Даугава». Однако через какое-то время из Москвы вдруг пришло письмо с предложением компромисса: спорные рассказы снять, а вместо них для сохранения объема книги (тоже абсурд плановой экономики!) целиком вставить повесть «Луна Холодного Лица». То есть ту самую повесть, которая антисоветской была признана в свое время в рижском издательстве. В итоге две книги вышли у меня почти одновременно — в Риге новые рассказы в сборнике «На златом крыльце сидели» (редактор Людмила Азарова), а в Москве в сборнике «Далеко от Мексиканского залива» часть тех же рассказов и старая повесть о Чукотке.

Но самое смешное, что московская книга «Далеко от Мексиканского залива», героями рассказов которой как были, так и остались одинокие старики, и только в добавленной повести «Луна Холодного Лица» юная героиня самоотверженно трудилась на широких тундровых просторах, так вот эта неоднозначная книга была удостоена Всесоюзной премии имени Николая Островского! В роскошном дипломе премии написано буквально следующее: «Костенецкой Марине Григорьевне, лауреату Всесоюзного литературного конкурса на лучшее произведение о советской молодежи».

Сергей Мазур: Еще в советское время ваши книги стали переводить не только на латышский язык, но и издавать за границей, не так ли?

Марина Костенецкая: Да, в Риге на латышском языке у меня вышло четыре книги, в Праге на чешском в 1980 году была издана «Луна Холодного Лица», а в Братиславе в том же 1980 на словацком вышел сборник рассказов «Завтра на рассвете».

Позже я всерьез занялась публицистикой, но мои статьи, к сожалению, печатались в основном в латышской прессе в переводе. Русские газеты не решались публиковать по тем временам достаточно острые материалы о детских домах, вспомогательных школах и детских исправительных учреждениях в нашей республике. Поэтому к началу 90-х мое имя как писателя-публициста было гораздо больше известно латышскому читателю, чем русскому. Но это уже следующий этап творческой биографии. Сегодня вы, Сергей, обозначили тему разговора рамками «Как я стала писателем», так что на этом давайте и закончим.

* Книга «Поместье Дикли в Видземе», издательство AGB, 2007

** Лидия Жданова — русский писатель Латвии, поэт, прозаик и переводчик (1938-1994); Виктор Андреев — русский писатель Латвии, прозаик и переводчик (1927-1986)